

Светлана Далматова

18+

Когда Париж был еще французским

Светлана Далматова

**Когда Париж был
еще французским**

«Автор»

2020

Далматова С.

Когда Париж был еще французским / С. Далматова — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-99399-0

В течение последних тридцати пяти лет менялись не только города и страны, о которых повествуется в книге, но трансформировалось и наше восприятие себя в чужой стране и в незнакомом обществе. Но наша память хранит то, самое первое впечатление о странах и городах, которые когда-то нам снились, и, к сожалению, это впечатление неповторимо. Время неумолимо, оно меняет не только наши лица: если с ним не считаться, оно может стереть с лица земли все самое прекрасное и истинно ценное, что обогащает жизнь каждого человека. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-99399-0

© Далматова С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

В Суоми с джентльменским набором	5
Дружба народов	5
Триста финских марок	7
Тимур и его команда	9
Нувориши	11
В Италию за красотой	15
Дорога к Возрождению	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Светлана Далматова

Когда Париж был еще французским

В Суоми с джентльменским набором

Дружба народов

В самом конце восьмидесятых годов прошлого столетия Финляндия ласково приоткрыла свои границы для русских соседей.

Закончилась целая эпоха одностороннего воскресного туризма «только для финнов» в Ленинград и обратно. Довольно оригинальный финский «сухой закон», который, естественно, терял для финнов свою силу на территории России, приносил нашему городу неплохой доход.

Переполненные «лесорубами», как их негласно называли в Ленинграде, автобусы стремглав летели от финской границы через Выборг, а частенько и с остановками в нем, для чего и была предназначена гостиница «Дружба», – чтобы максимально приблизить время общения самого «интуриста» с Бахусом. Да, финские мужчины любили и продолжают, думаю, любить огненную воду, а если кто-либо утверждает, что именно его народ не пьет, то он глубоко заблуждается. Просто надо знать меру, а вот это финнам точно, по крайней мере в то, описываемое мной время, дано не было. Финны в Ленинграде отрывались по полной, пытаясь опустошить алкогольные запасы ресторанов, кафе и магазинов (не догадываясь, что это как раз и невозможно), кроме того, они внесли немалую лепту в процветание валютной проституции, так как составляли основную часть клиентуры профессиональных жриц любви (не путать с простыми «ночными бабочками»), и были основным источником дохода довольно многочисленной ленинградской прослойки профессиональных фарцовщиков, которые еще на трассе купали у финнов валюту и фирменные вещи.

Еще в студенческие годы наши институтские приятели, коренные ленинградцы, а кучковались они в основном по этому принципу и редко допускали в свои ряды общежитских, фарцевали. Все они, как правило, закончили привилегированные английские школы, знали языки и были обаятельными шалопаями. Мою приятельницу они с первого курса приняли в свою компанию и приодели в финские шмотки. Как-то, проходя мимо финского автобуса во время посадки в него туристов, она была атакована радостно приветствующими ее на своем языке молодыми финнами и насильно в него посажена. Оказалось, что она, как и молодые финны, была одета в их униформу: финские голубые джинсы и желтую укороченную курточку, поэтому ее и приняли за свою, ранее ими не замеченную. Когда обнаружилась ошибка, автобус уже был в движении, пассажиры веселились, а приятельнице пришлось долго возвращаться в пункт первоначального назначения.

Излюбленной темой журналистских статей конца восьмидесятых стали жрицы любви (возможно, толчком к этому послужил недавно вышедший на экраны фильм «Интердевочка»), а причиной – их немислимые по тем временам доходы, бурно обсуждаемые в прессе и обнищавшим народом, некоторые с завистью прикидывали: сколько же они зарабатывают в день, и сколько это будет в месяц? Из чего следовало, что профессия у жриц любви – уважаемая, а среди всеобщей разрухи нашлось немало искательниц красивой жизни, мечтающих о карьере «интердевочки».

Желая не то чтобы прикоснуться к прекрасному, но просто достойно отметить развод, подруга пригласила меня, в благодарность за моральную поддержку, в ресторан «Невский». Столик на двоих, заставленный тарелками с салатом «Оливье», селедкой с луком, колбасной и мясной нарезкой, стоил четверть зарплаты, напитки подавались за отдельную плату и исключительно бутылками.

Только мы расположились за столиком, как подскочил шустрый парнишка.

– Есть финн, любит немолодых женщин, сразу меняю валюту один к четырем.

То, что нас приняли за жриц любви, почему-то не обидело, а вот первая фраза напрочь испортила настроение, ведь нам не было и тридцати.

– Как это – немолодых? – возмутилась я.

– Ну, вам же не четырнадцать. – справедливо заметил парнишка, продолжая уговаривать нас, «испорченных» хорошим воспитанием и лишенных меркантильности, девушек, все еще мечтающих встретить настоящую большую любовь, – Потом, он хорошо датый, вряд ли дойдет до работы.

Настроение было испорчено, заплатить такие деньги, чтоб попасть в обитель торжествующего порока, хотя мы с детства усвоили, что не место красит, или порочит человека, а человек – место.

Триста финских марок

Когда угроза распространения вглубь Европы красной эпидемии исчезла, финны стали готовы дружить с русскими, так сильно они расслабились. И рванули из Ленинграда автобусы с веселыми туристами, ведь всего-то – четыре часа – и ты можешь лицезреть еще живой, но непременно загнивающий капитализм, въехав в широко распахнутые финские врата. Мои подруги, уже не раз посетившие северных соседей, уговорили и меня наконец проветриться, хотя я любительница путешествий в южные страны, а сырости и холода мне и в Ленинграде хватало. Но с друзьями – хоть в стужу, хоть в пекло! И я засобиралась. Сборы были довольно утомительными, так как необходимо было приобрести: заграничный паспорт, финскую визу, путевку, и джентльменский набор. Путешествие было затратным, но была одна фишка. Стоимость путевки в Финляндию состояла из двух частей: рублевой и валютной. На рублевую я накопила, а вот валютная меня озадачила. Но ведь главное – желание, деньги я одолжила у нашего технического директора. Теперь можно вернуться к джентльменскому набору, который разрешено было ввозить в страну с жестким антиалкогольным законом: две бутылки водки, две бутылки крепленого вина, упаковку пива (четыре банки), блок сигарет.

Видно, наши ответственные работники, обладая завидным чувством юмора, убедили финскую сторону, что русским для комфортного четырехдневного пребывания на отдыхе в Финляндии необходимо именно такое количество сигарет и алкоголя, а финны, имея склонность к алкоголизму, явно преувеличивали наши возможности.

Впрочем, в их и нашем ведомствах наивных нет, все за нас было подсчитано, ведь на финской стороне минимальная стоимость нашего джентльменского набора составляла именно триста финских марок. И горячие финские парни с большим удовольствием скупали все это богатство, любовь к которому объединяет оба народа гораздо больше, чем любовь к искусству.

Конечно же, продажа алкоголя с рук в Финляндии была запрещена законодательно. Но законы писаны для граждан страны, для приезжих же иностранцев были свои меры наказания: штраф, и не малый.

Мои подруги, соблаздившие меня на поездку, побывали уже не только в Финляндии, но и в Швеции и Норвегии. Они и занимались подготовкой документов, виз, и покупкой путевок. Для меня их труд не увенчался успехом: финская виза в моем паспорте оказалась липовой, и мои документы из ОВИРа вернули туристической фирме без регистрации, а меня вычеркнули из списка туристов на ближайшую поездку в обществе подруг.

– Не волнуйся, – успокаивали они меня, – поедешь позже.

Я была в полнейшей печали: без моих подруг, просто рожденных для бизнеса (купи-продай), мне нечего было делать в Финляндии, ведь я даже самые дефицитные товары, за которыми отстояла многочасовую очередь, типа финских зимних сапог, вдруг выброшенных в магазине в открытую продажу (скорее всего перед инспекцией), не могла ни обменять на свой размер (ведь когда подходила очередь, хватали тот размер, что остался), ни продать хотя бы чуть дороже. Как же я без них смогу продать «джентльменский набор», и вернуть пресловутые триста марок шефу?

Вспомнилось детство: мама решила сшить мне зимнее пальто и привела меня, двенадцатилетнюю девочку, к портному. Портной сделал замер рук, задумался, затем повторил замер, и замер (здесь ударение на первый слог), глядя на меня поверх очков.

– Вашей девочке надо будет идти работать в торговлю, – сказал он с мягким литовским акцентом, – у нее такие длинные руки.

– Не дай бог, – ужаснулась мама, – недостаточей закончится первый же трудовой день, ведь руки у нее не гребущие, а подающие!

Ехать пришлось без подруг, так как деньги за путевку фирма не возвращала. Я вновь, уже официально, подала документы на визу.

– Я тебя научу, и все будет нормально, где наши не пропадали! – подбадривала меня подруга, – Запомни главное: в любых обстоятельствах дружи с шоферами, они всегда помогут. На худой конец, если не сможешь выгодно продать алкоголь, шоферы у тебя его возьмут по номиналу.

Ее совет дружить с шоферами я запомнила на всю жизнь, и он мне не раз пригодился.

Накануне поездки, по дороге с работы домой, я обдумывала немаловажный вопрос: в чем мне ехать? Мутоновый полушубок, купленный хоть и в Прибалтике, сразу указывал на мое гражданство, а так светиться я не хотела. Ведь мне было хорошо известно отношение за границей к русским. И тут, по дороге с работы, мои глаза остановились на знакомой фигурке девушки в ярко зеленом пуховике, похоже, финского производства.

– Меняйся, – предложила я сотруднице.

– Согласна, – обрадовалась она, – хорошо бы еще насовсем, то-то мои дома удивятся, откуда у меня такая шубка?

Я покрасилась в рыжий цвет (под зеленую куртку), завила локоны, одела черные блестящие лосины (в то время вошедшие у нас в моду) и ярко желтый длинный свитер. Эти лосины были излюбленной одеждой наших модниц, и уже после моей поездки, когда мне брат рассказал, какое впечатление произвел этот их наряд на его немецких компаньонов, отметивших красоту русских девушек, и удивление по поводу такого большого количества проституток, мне стал понятен мой успех у финнов.

Автобус в Финляндию уходил ночью. Народ подобрался молодой, но пестрый: человек шесть студентов, столько же фарцовщиков-полиглотов, облюбовавших финскую трассу под Петербургом, три леди древнейшей профессии (далее – просто леди) и несколько мужчин, предпринявших вояж с единственной целью – покупки российских подержанных машин, для которых на родине проще достать запчасти. Было только непонятно, что в этом автобусе забыли я и моя соседка, молодая женщина скромной наружности, в платочке и с рюкзачком, набитым разным хламом для продажи на финском рынке.

В автобусе было жарко и шумно, витали плотные пары алкоголя, запотели стекла: народ решил не терять времени, и пустился в разгул.

Тимур и его команда

Компания фарцовщиков была мне знакома. Лет шесть назад в районном узле связи под моим руководством работала молодая женщина очень яркой наружности: кареглазая, чернобровая, ее густые выющиеся волосы отливали цветом холодного каштана, а бархатная кожа вызывала восхищение. Высокую шатенку с соблазнительными формами звали Мина (в переводе с греческого – лунная). Я как-то проговорила в ее присутствии, что люблю рыбалку, и она тут же пригласила меня вместе с ней и ее мужем, тоже большим любителем рыбной ловли, провести ближайшие выходные у озера за приятным занятием.

Когда я поинтересовалась, где работает ее муж, она нехотя, тусклым голосом, произнесла: – Пожарником, – и тут же вдохновенно добавила, – но это не основная его работа.

Так как от меня не требовалось никаких приготовлений: все снасти обеспечивала приглашающая сторона, я зашла за организаторами досуга налегке. Там то, в этом большом деревянном доме без элементарных удобств, где обитала большая семья, я впервые и встретила нуворишей. Все они были родственниками Тимура, мужа сотрудницы.

На рыбалке мне было дозволено только держать удочку, все остальное за меня делал Тимур: насаживал червячка, забрасывал удочку, даже подсекал и тянул улов, но был очень предупредителен и вежлив. Как в старом мультике про ленивого мальчика, за которого даже жевали.

Именно потому, что выглядело все это нелепо, я его оценила и поняла, почему эта красавица вышла замуж за внешне невзрачного, ничем не примечательного мужчину, выше и крупнее которого была. Но покорила он ее не только заботой, в нем присутствовала уверенность, немногословность, корректность и интеллигентность. Кроме того, даже при не столь длительном общении, угадывался интеллект.

Улов был неплохой, но его трудно было назвать моим, поэтому в дальнейшем рыбачила я в другой компании, хотя пару раз по каким-то причинам к ним заходила и всегда встречала там нуворишей.

Позже я узнала, что основной работой Тимура была фарцовка: рядом проходила финская трасса. Его родня занималась тем же.

Когда Минка ждала ребенка, Тимура арестовали: он оказался на конце той тоненькой ниточки, которая тянулась с севера нашей необъятной родины. Где-то там, в местах отдаленных, двое ребят залезли на склад, где хранился ценный мех. Безо всякой наводки, просто замок был смешной, ковырнули – и слетел. Лезли-то по хулиганке. Стащили пару шкур, решили, что не заметят. Действительно, не заметили, прошло какое-то время – тишина. Те осмелели, опять залезли, украли больше. В третий раз взяли уже крупную партию, ну, такую пропажу уже невозможно было не заметить. Но пока было еще тихо, шкурки успели переправить в Ленинград, а реализовать их было поручено Тимуру, хотя он и сопротивлялся, так как это явно был не его профиль. Когда началось следствие потянули клубок за ниточку и она привела по адресу. Беременная Минка поскребла по сусекам, и все заработанные основной работой ее мужа деньги ушли на адвоката и поездки в Москву, и определили ее мужа на "химию" недалеко от дома. Через четыре года он отбыл свой срок, но в стране произошли разительные перемены, и его профессия фарцовщика стала ненужной: в стране открыто продавалась валюта, и можно было ездить в ту же Финляндию за шмотками. Полагаю, обворовывать Дьюти Фри он бы не стал, поэтому его команда осталась без старшего брата и лидера.

Тимур вместе со своей семьей и маленькой дочерью уехал за кордон. Жилось им там не просто, а Минка не собиралась ждать пока ее собственная прекрасная шкурка облезет, за границей действуют совсем другие законы, чем на родине, кроме того, человек в непривычной

обстановке испытывает стресс, выход из которого у каждого в семейной паре свой. Вот она и вышла за другого, бросив Тимура с дочерью.

Долго Тимур с ребенком не мучился: он вернулся домой. Я случайно встретила его у метро, мы столкнулись лбами. Он так же был вежлив, не сделал вид, что не узнал меня, скорее я могла его не узнать, так как за граница его не омолодила, а приумножила печаль.

Нувориши

Мы мчались к финской границе под аккомпанемент пустых бутылок, катающихся по проходу в салоне, и крики пьяных туристов.

На финской границе нас продержали часа четыре. Пассажиров веселого автобуса отправили на проверку документов, а сам автобус – на полный досмотр (даже колеса сняли). Быстрее всех прошли проверку документов три наших леди, хотя вели они себя крайне нагло, демонстрируя глубокое опьянение и театрально приставая к таможенникам. Из своего опыта мне легко представить последствия такого же поведения на русской, латышской, литовской, украинской или белорусской границах, а вот наши северные соседи проявляли завидное спокойствие, и, как от навязчивых мух, отмахивались от подвыпивших дам, возможно, уже им знакомых.

Когда мы двинулись дальше, я поняла смысл показательных пьяных вольностей дам и предназначение пустых бутылок, ведь вместо водки народ вез спирт, а свободная тара использовалась для наполнения самодельной водкой: раствора спирта и воды из крана в пропорции один к пяти, выход – десять бутылок «паленой» водки. Хотя на границе финны и взбалтывали бутылки для обнаружения пузырьков, но кто из нас не фокусник?

Привезли всю нашу отвязную компанию в придорожную довольно уютную гостиницу: номера на двоих, маленькие, но чистые и теплые. На стенах гостиничного холла и вдоль деревянной лестницы, ведущей на верхний этаж, были развешаны красочные репродукции и горшочки с искусственными цветами. Убранство гостиницы было недорогим, но выполнено со вкусом.

Финны очень трепетно относятся к природе. При строительстве домов они используют существующий ландшафт местности, не меняя ее рельефа. При всех гостиницах для комфортного отдыха постояльцев существуют сауны, они очень органично встроены в общий гостиничный комплекс.

После размещения в гостинице, прогуливаясь по небольшому финскому городку, мы услышали громкую речь из репродуктора. Свободный перевод наших полиглотов – фарцовщиков звучал так: «Не покупайте водку у русских. Много случаев отравления».

Завидев издали толпу русских туристов, финны перебежали на другую сторону.

От нас шарахались всюду, кроме магазинов, в них продавцы неотступно следовали за нами, опасаясь краж.

Вечером вся наша тусовка собралась в баре при гостинице. Целевое назначение придорожных финских гостиниц – обслуживание дальнобойщиков. Они и составляли основной контингент гостиницы и бара. Мы рассчитывали, что дальнобойщики и будут нашими покупателями. Но, после услышанного днем на улице, шансов продать алкоголь у нас было очень мало. Несмотря на то, что в баре цены на алкоголь были не просто высокими, а заоблачными, никто не откликнулся на наши заманчивые предложения. Видно, любовь к жизни у финнов все-таки преобладала над любовью к водке, что их выгодно отличает от наших алкоголиков, которые не брезгают и политурой. Конечно, живя в такой стране, как Финляндия, есть что терять.

Пребывая в том же наряде: черных блестящих лосинах и желтом длинном свитере с черными пайетками, я задержалась у барной стойки, тихо предлагая шоферам купить у меня водку. Но когда почувствовала, что подвыпившие мужчины больше интересуются мной, пытаюсь ущипнуть за мягкие места, решила срочно поменять наряд. В это время наши леди, словно дамы «полусвета», гордо восседали во главе большого стола, заставленного напитками и закусками, прямо в центре бара в окружении финских кавалеров.

– Вообще-то, кто из нас леди? – не выдержала я, – Они сидят, как принцессы, а щиплют меня!

На мое возмущение никто не ответил.

Я поднялась в номер, переоделась, и опять вернулась в бар. Водка жгла мне руки!

Обстановка по отношению к моей персоне изменилась: леди сразу заметили мое преобразование, оценили и, энергично жестикулируя, стали звать за свой стол, мужчины зауважали – руки не распускали, бросились приглашать танцевать и ... переспать за триста марок. Но водку по-прежнему никто не покупал! День пропал даром!

Ночь прошла под крики пьяных леди, их потасовку с горячими финскими парнями, укравшими сигареты. Топот ног, шум, гам, мат, как в киношном борделе.

Утром, увидев оголенные стены холла, мои глаза полезли на лоб. Но администрация отеля сохраняла спокойствие, из чего следовало, что для русских туристов в стоимость гостиницы была уже заложена цена похищенного. Ведь не мы первые, и не мы последние их гости из России.

На следующий день нас повезли в Хельсинки на экскурсию с посещением соборов: лютеранского Кафедрального, Успенского православного и оригинальной лютеранской церкви Темпелиаукио, вырубленной в скале.

Скромное убранство финских лютеранских соборов ограничивается белыми стенами и выделяющимся на их фоне распятием, в них нет никаких росписей, в том числе – сцен божьего суда за грехи человеческие, а жаль, нашим пассажирам они бы не помешали.

В тот же день нас завезли на какой-то вещевой рынок, где множественными мелкими кучками толпилось финны, что-то покупая или продавая. Пожалев свою соседку и проявляя чудеса героизма (для других я способна на многое), я продала весь ее запас алкоголя, а мой остался при мне в пакете. Еще на рынке я почувствовала что-то неладное, поэтому вышла к проезжей части и пошла по тротуару. За мной неотступно очень медленно следовала полицейская машина, а в ней – две дамы из полиции. Шла я медленно, не спеша, сохраняя спокойствие. Вскоре, потеряв ко мне интерес, полицейская машина обогнала меня и исчезла из вида. Я облегченно вздохнула.

В автобусе, по дороге в отель, я поинтересовалась у сидящего впереди студента, продал ли он свою водку.

– Двадцать бутылок продал, осталось четыре.

– Двадцать? – я споткнулась на слове, – Догадываюсь, как вы их разлили, но как закрыли?

Общительный студент протянул мне специальное запечатывающее устройство заводского производства – спрос влияет на предложения.

Автобус заехал на заправочную станцию, и нас попросили выйти на полчаса.

Мы вошли в небольшой зал ожидания. Наши леди, не теряя времени даром, подсели к рыжему крепкому дальнобойщику и тут же, не утруждаясь хоть на малое подобие искусства соблазна (слишком велик был их опыт, и помогало неплохое знание языка), предложили свои услуги, согласно прейскуранту. Но финн оказался слишком разборчив и упорно изображал несогласие, мотая своей рыжей головой. Тут ему на глаза попала моя соседка в платочке, он ткнул в ее сторону толстым красным пальцем и одобрительно закивал.

Леди обрадовались, подсели к нам, и стали уговаривать мою соседку заработать, обещая охрану в своем лице. В глазах соседки загорелся зеленый огонек, похоже, ради трехсот марок она готова была на многое.

– С ума сошла, потом не отмоешься, – вмешалась я.

На триста финских марок можно было прожить всей семьей в Ленинграде целый месяц, а безработное население было фактически нищим, мою соседку можно было понять. А я не

позволила ей заработать. Полагаю, что благодарна она мне за это не была, решив, что я именно тот человек, кто «ни себе ни людям».

На следующий день мне как-то вдруг все надоело: водка, рынки, и щемяще захотелось домой.

Думаю, проблема была в том, что нас фактически не кормили, а долго на финских паке- тиках овсянки, водным раствором которой нас потчевали на завтрак, не проживешь! И потом, мы же не лошади, чтоб питаться одним овсом! Терпение мое закончилось, и я, как совето- вала подруга, обратилась к шоферу. Он, правда, водку на перепродажу не взял, но повел меня на расположенный рядом с автобусной остановкой ближайший рынок, где кучковались щедро одаренные природой крепкие финские парни, и порекомендовал меня одному из финнов, как заслуживающую полного доверия продавщицу водки. Как только финн принял от меня пакет с бутылками, в ту же секунду включилась мощная сирена, и рынок взяли в оборот полицейские машины. Мужчина слегка подтолкнул меня к расположенному рядом продуктовому магазин- чичу, где можно было скрыться. Водка осталась у него! Я, малость пришибленная от такого поворота событий, стояла в магазине и не могла понять, зачем мне надо было прятаться, если водки у меня уже нет, но было похоже, что и денег не будет. Прошло ровно пять минут, и поли- цейские машины с тем же воем умчались. Я вышла из своего убежища, огляделась по сторо- нам, все мужчины для меня были на одно лицо: крепкие, здоровые, краснолицые, белобрысые. В растерянности я простояла минут пять, но финн сам подошел и отдал деньги.

Наконец, этот безумный марафон с бутылками алкоголя, словно с чертом в сумке за пле- чами, закончился, ничего не скажешь, обогатилась культурно и финансово, ровно на триста финских марок, чтобы вернуть шефу, потери считать не стоит, ведь все-таки путешествие было познавательным, когда еще попадешь в такую компанию.

Наш автобус, подгоняемый довольными и не очень довольными туристами, двинулся в обратный путь. Но тут мы не досчитались одного студента. Оказалось, его забрала полиция прямо из магазина одежды. Сидящий передо мной студент потерял своего друга и очень пере- живал.

– Нас научили, как это просто и быстро делается, но я не смог. – взволнованно поведал он мне, когда я поинтересовалась, где его сосед по автобусу, – Я одел в примерочной магазина на себя несколько свитеров, но выйдя из-за шторы и вспотев от ужаса, вернулся в раздевалку и снял, блин, с себя эту одежду. Друг же вышел из магазина, и уже на улице его догнал охранник и вызвал полицию.

Прошло часа полтора, и финская полиция, занеся паспортные данные студента-воришки в свою базу данных, отпустила неудачливого дебютанта восвояси. Единственное, что ему гро- зило, это запрет на въезд в Финляндию года на три или лет на пять.

Приехав на финскую границу, пассажиры всей толпой рванули в Дьюти Фри. Здесь-то мы и получили воровской мастер-класс. Прикрываясь нашими телами, воры-фарцовщики грузили в свои сумки все, что попадало им под руку. Девица прямо на глазах у финской кассирши одела на своего приятеля новую куртку, на нее – еще одну куртку, и, якобы поправляя и отдергивая со всех сторон верхнюю куртку, оторвала ценники с нижней куртки. Далее, с громкой руганью выражая недовольство фасоном верхней куртки, сняла с подельника верхнюю куртку, грубо отбросив ее в сторону. Тем временем ее компаньон с разочарованной миной на наглой физио- номии вышел из отдела в нижней куртке с ранее отодранными ценниками. Засыпался только один из них, на дезодоранте. Сработала сигнализация.

– Вот, мудака, я пол магазина вынес, а ты засыпался на сраном дезике, – громко возму- щался его партнер после чисто выполненной работы, расслабленно расположившись у барной стойки.

Кассирша магазина Дьюти Фри, не знакомая с языком финских соседей, покричала, покричала, но полицию не вызвала.

Таможню мы не прошли, а пробежали: финские таможенники даже голову не повернули в нашу сторону, а следовало. Воры-фарцовщики тащили по полу целые мешки с товаром. Чего там только не было: картины, не имеющие особенной художественной ценности, вошедшие в моду искусственные цветы, косметика, одежда, электротовары.

На обратном пути народ в автобусе гудел еще больше, чем по дороге в Финляндию, хотя и без употребления горячительных напитков. Ведь была проделана опасная работа и можно, наконец, расслабиться, а это опьяняло и веселило гораздо больше алкоголя. Народ подобрался милейший, тайн ни у кого не было, каждый делился секретами своего мастерства, хвалился размером дохода. Представительницы древнейшей профессии откровенно поведали о постигших их разочарованиях в семейной жизни, и что, только разведясь, они научились ценить себя, как женщин. Воры – фарцовщики демонстрировали содержимое своих сумок и мешков.

Была, правда, часть пассажиров, не слишком довольных поездкой – мужчины, задачей которых было приобретение машин отечественных марок, их – то на финском рынке подержанных машин и не оказалось, пришлось купить импортные, к которым не было дома запчастей, но опечаленных новых собственников машин не было в автобусе, они перегоняли своих мустангов сами в Ленинград.

Тем не менее, жаловаться не приходилось, ведь народ в автобусе подобрался не только откровенный, но и вежливый – никто так и не поинтересовался у нас с соседкой: «А вы-то, девчонки, зачем ездили?».

Финские газеты писали, что они открыли границы, чтобы увидеть у себя в гостях русскую интеллигенцию (это с «джентльменским-то набором»), которой так много в Ленинграде, а увидели представительниц древнейших профессий.

Откуда им было знать, что у русской интеллигенции, особой социальной группы лиц, отличающейся высотой духовно-нравственных стремлений, и исчезающей за ненадобностью в новых реалиях жизни, никогда не было, и, похоже, не будет средств на путешествия, а если вдруг эти средства появятся, то вряд ли эту новую публику можно будет назвать интеллигенцией.

В Италию за красотой

Дорога к Возрождению

Когда в результате полнейшей неразберихи в правительстве на нас обрушилась свобода, то одних она придавила, других – выдавила. А что, свобода – дама тяжелая, в особенности – русская свобода. Наш человек, получивший неплохое как обязательное, так и необязательное образование, из всех свобод предпочитал свободу передвижения, пусть не во-времени, так хотя бы в пространстве. Ну да, для этого нужны деньги, и не малые, – плевать, хоть впроголодь, хоть босиком, но с высоко поднятой головой! Но это тогда, в начале девяностых, осознавая, что мы не глупее европейцев, а порой и образованнее, просто нам со строем не повезло, поэтому и денег нет, и языков по той же причине мы не знаем. Хуже обстоит дело сейчас, ведь свободой мы наслаждаемся больше двадцати лет, а денег по-прежнему у большинства населения нашей страны на путешествия нет, и языки по-прежнему мало кто знает.

Итак, не будем отвлекаться от девяностых. Те, кого выдавило из толпы, послали просить милостыню тех, кого придавило. Города и улицы разделили на сферы влияния, и ожившие герои Ильфа и Петрова вышли на пешеходные мостовые. Одни и те же бабки, деды и инвалиды, с утра до вечера, утюжили тротуар в поисках милостыни, требуя у каждого, проходящего мимо: «Дай миллиончик!». Тем более что миллиончик уже мало что стоил. Тот, кто удержался на работе, получал деньги пачками и переносил их в авоськах. Наиболее чувствительные граждане, не привыкшие к такому зрелищу, отдавали совсем не лишние кровные, хотя и задавали в никуда вопрос: «Как это все так быстро обнищали?». А к киоскам с продуктами или какой-либо мелочевкой и подходить было опасно: тут же появлялся длинноволосый щетинистый детина в расе, подпоясанной бечевкой, и хватал за грудки с тем же требованием денег на пропитание. Короче, удивить нас можно было только благополучием и красотой.

Вот за этой красотой я и решила поехать в Италию.

Автобусная путевка стоила четыреста долларов. Не всем фирмам можно было доверять, и я попросила пару телефонов тех туристов, которые благополучно вернусь из этой поездки.

– Да, путешествие не из легких, но когда я вспоминаю Италию, улыбка не сходит с моего лица, – поделилась своим впечатлением от поездки одна из туристок.

Голос был приятным, эмоции вызывали доверие.

На вокзал меня отвозил брат.

– Ты куда спрятала деньги? – с металлом в голосе поинтересовался он.

– Они в сумочке.

– Как, в сумочке, ты почему их не зашила? – зловеще процедил он сквозь зубы.

Я открыла сумочку, вынула набор туриста для шитья, носовой платок, задрала юбку и стала снимать трусы.

– Ты что делаешь? – изумился брат, но не покраснел.

– Мужчина, вам не угодись, то шей, а то взашей! Расслабьтесь, все будет *molto buono*.

Долларов восемьдесят я все же оставила в сумочке.

Поезд Ленинград – Минск стоял на пути, объявили посадку.

Когда мы вошли в купе, незнакомая попутчица уже укладывала в багажное отделение чемоданы. Она была в домашнем ситцевом халате, такие халатики, из ситца в цветочек, я запомнила с детства: их с большим мастерством когда-то на Украине шила еще моя бабушка.

– Здравствуйте, я ваша соседка! – радостно сообщила я.

Женщина подняла голову, под ее правым глазом красовался сочный синяк.

– Это я упала, – смутившись, сообщила она, глядя на моего брата.

– Знаю я эти ваши «упала, сама ударилась», другим рассказывайте, – строго сказал он, затем, не выдержав, хмыкнул.

Соседку звали Светлана, она работала учительницей в школе и отправилась в это рискованное путешествие со своей четырнадцатилетней дочкой, которая мне очень обрадовалась, так как с первой минуты нашего путешествия мечтала сбегать кому-нибудь свою непосредственную мамочку.

По прибытии в Минск нас должен был ждать большой комфортабельный автобус с наличием элементарных условий для многодневного путешествия: горячей воды для заварки чая и кофе, туалета и раскладных сидений для ночлега. Вместо отеля на колесах мы увидели старый львовский автобус – труженик и тридцатилетний «горбати́к» ЛАЗ-695 с грязными полустлевыми жеванными занавесками, с несвежими вмятинами на месте сидений и жесткими, с металлической окантовкой, низкими спинками. Как бы «горбати́к» не пыжился, скорости более шестидесяти пяти километров в час развить не мог.

Тот май отличался аномальной сорокаградусной жарой, и ждать спасения мы могли только в четырех открытых вентиляционных люках над нашими лихими головами. Я, на свое счастье, подсуетилась и успела занять место в середине автобуса, в двухместном ряду справа, слева был одноместный ряд. Правда, довольно наглая семейная пара, оперируя фактом моего одиночества, попыталась пересадить меня в конец автобуса. Но я, невзирая на свой интеллигентный вид, который весьма обманчив, и не только у меня, осталась там, где сидела. Каким-то образом парочке все-таки удалось оказаться на сиденьях впереди меня.

Уже когда мы двинулись в путь, оказалось, что в передней части салона, куда не попадал свежий воздух, было невыносимо жарко, сзади же – ветродуй. Не знаю, может и сегодня где-то в России колесят по бездорожью эти неприхотливые труженики, которым недавно в Нарьян-Маре поставили памятник: стоит такой «горбати́к» на бетонном постаменте и вполне заслуженно.

Среди пассажиров было много нежной молодежи, которая за свою еще короткую жизнь не успела заработать ни копейки и путешествовала на скромные деньги далеко не богатых родителей. Через проход от меня, на одноместных сиденьях, друг за другом, расположились молодожены, свое восемнадцатилетие они отпраздновали свадьбой. Молодожены ехали из Риги, были очень рослыми, и их коленки больно упирались в спинки сидений. Просидеть двое суток под прямым углом и не рассыпаться можно только в юном возрасте, но и они очень мучились.

Со временем меняется не только география наших путешествий, но, слава богу, и их условия. Сегодня старшее поколение помнит плачевное состояние дорог наших республик, исключая благополучную Прибалтику, хотя, если отъехать от центральных трасс, путешествуя по России, Белоруссии и Украине, думаю, что и по истечении стольких лет мало что изменилось. Нам предстояло преодолеть восемьсот километров по Белоруссии и тысяча по Украине, находясь только на трассе, и пытаюсь тем, что прихватили с собой, а жажду утоляя холодной водой, так как обеспечить горячей водой для заварки чая и кофе тридцать туристов, как обещали организаторы тура, было нереально, а шоферы даже не догадывались, какой комфорт они должны были нам обеспечить в старом львовском автобусе. Мы же впервые увидели этот «международный автотранспорт» только на автобусной станции в Минске. Благо поля Белоруссии и Украины были щедро засеяны, а если приспичит ночью, выбирать не приходилось: никто в темноте не будет спускаться за обочину, садились прямо на дороге, и встречные машины, лихо мчавшие мимо, высвечивали своими фарами наши задницы.

Украинская граница с Белоруссией напомнила мне постоялый двор, времен Лермонтова: неухоженная обширная площадка для машин, вся в рытвинах, в центре которой, пытаясь хоть как-то облагородить вид государственной границы, неряшливо одетый в форму то ли пограничника, то ли таможенника, толстый пузатый мужик лихо шуровал длинной метлой из тонких прутьев, поднимая пыль столбом.

Когда автобус остановился, вошли украинские таможенники, выражение их лиц не предвещало для нас ничего хорошего (ведь у нас были доллары, а у них «зайчики» и карбованцы).

– Так, прошу заполнить декларацию и предъявить всю имеющуюся у вас валюту, – гаркнул впереди стоящий таможенник, пустив по рядам бланки декларации для заполнения, и, зыркнув глазами-бусинками, еле заметными из-за выступающих мясистых щек, на сидящую сбоку от прохода худенькую, маленькую пожилую женщину с печатью интеллигентки на лице.

Женщина, вжавшись в сиденье, молча и растерянно смотрела на него.

– Повторять никому не буду, просто высажу! – грозно предупредил он.

Женщина смущенно показала ему на грудь: ее деньги были зашиты в бюстгальтер.

– И шо?! Вынимайте!

Чуть наклонившись вперед и прикрыв одной рукой грудь, она неожиданно ловким движением другой руки вырвала из декольте небольшую пачку завернутых в носовой платок долларов, видно, пришпиленных булавками к лифчику.

– Это шо, у всех там хранятся деньги? Быстро вынимайте и предъявляйте!

Его крупные загорелые пальцы стали пересчитывать предъявляемые пассажирами, вместе с таможенной декларацией, доллары, а народ внимательно наблюдал, чтобы деньги не прилипли к пальцам. Доверия к такой границе не было.

Опытные шоферы, не новички на этой трассе, заранее предупредили своих пассажиров, что если кто-то везет крупные суммы денег, их не следует указывать в декларации: во избежание полного досмотра пассажиров и многочасового простоя на границе.

Оказалось, семейная пара, сидящая впереди меня, везла крупную сумму долларов для покупки машины в Италии и внесла ее полностью, или частично, в декларацию.

Когда таможенники заглянули в эту декларацию, их лица просветлели, глаза наполнились живительной влагой, и они любовно попросили семейную парочку на выход, а двое из трех, словно конвой, последовали сзади. Богатеньких Буратино ожидал полный досмотр со стриптизом.

В салоне остался третий таможенник, который и завершал досмотр. Когда он подошел к молодоженам из Риги, те предъявили ему шестьдесят долларов.

– Это что, все? – недовольно воскликнул он.

– Да, – глаза ребят излучали святость.

Таможенник на минуту задумался, пристально вглядываясь в открытые лица ребят и, вроде, поверил.

Я не собиралась добровольно оголяться и указала в декларации восемьдесят долларов, лежащих в прямой доступности в сумочке (из трехсот имеющихся).

Похоже, большинство наших пассажиров были нищими.

Семейная пара возвратилась в салон только через несколько часов, на них лучше было не смотреть – становилось страшно, я отвела глаза.

Больше никого не тронули, но мы потеряли целый день, предназначенный для умопомрачительных впечатлений и сплошных удовольствий в Италии.

И наша сопровождающая не преминула нас этим «порадовать». Как можно ненавидеть людей и с ними работать, или в этом что-то есть, типа мазохизма.

В первую же ночь пассажиры потребовали от шоферов обещанных раскладных сидений, но те доходчиво объяснили, что автобус старый, дышит на ладан, и если сиденья разложить, а точнее – разобрать, то собрать их уже не будет никакой возможности. Люди пошумели и

безнадежно сникли. Я, обученная не выступать против шоферов даже когда очень хочется, а демонстрировать им полную свою лояльность, помалкивала.

Когда трудности путешествия по неухоженным дорогам бывшей нашей обширной территории подходили к концу, и мы прибыли в город Львов, построенный в тринадцатом веке и фрагментарно напоминающий самые красивые города Европы, градус отношений моих соседей достиг кульминации: всю дорогу вдоль бескрайних полей Украины жена обвиняла мужа в жадности, так как именно он, игнорируя ее просьбы, выбрал этот дешевый автобусный тур.

Скорее всего, ее муж отказался от авиа-тура из-за ограничений по вывозу валюты (в то время разрешенный максимум составлял 3000 долларов).

Возненавидевшая друг друга семейная пара решила покинуть многострадальный автобус, оставив нас на произвол судьбы, для меня это было просто счастьем, но я готова была этим пренебречь, уговаривая их остаться, ведь самые большие мучения уже закончились, и мы без пяти минут – на цивилизованной территории. Но мои соседи были уже не совсем вменяемыми (возможно, что у них изъяли доллары) и простились с нами, лишенными из-за них целого дня отдыха на Адриатике, чуть ли не проклятием.

А оставалось каких-то четыре часа до границы с Венгрией.

В Чопе молодцеватые пограничники резво заскочили в наш экзотический автобус и так же резво выскочили, задохнувшись от спертого воздуха в стоящем автобусе.

«Да, господа, кондиционер в нашем раю не предусмотрен, как и вода, туалет и другие прелести комфортной жизни», – мысленно я с ними пообщалась.

Пограничники остановились у открытой передней двери на улице и потребовали, чтоб мы выходили по одному с открытым паспортом.

Первый же паспорт их озадачил, они всматривались в фото туриста и, сравнивая с оригиналом, не находили сходства. Неудовлетворенные, потребовали отойти первого самозванца в сторону. Со следующими пассажирами история повторялась. Поняв, что качество фотографий у всех одинаковое, посоветовавшись, венгры махнули на нас рукой: им не хотелось связываться с русскими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.